

The background of the entire cover is a repeating pattern of red roses with black outlines, set against a white background. The roses are of various sizes and are connected by thin, black, curving branches with small, pointed leaves.

Андрей Соболев

Високосный год

город каштанов

18+

Андрей Соболев

Високосный год

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Соболев А. А.

Високосный год / А. А. Соболев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Повествование о том, как одна женщина, проходя по городскому рынку увидела продающимся у бабки костюм своего мужа, недавно погребенного. Женщина от страха впала в истерику, собрался народ. А дальше следствие установило, что муж бабки-торговки работает сторожем местного кладбища. Милиция в вскрытых супружеской парой могилах не нашла тел. А дальше выяснилось, что дед также держит подсобное хозяйство. Разводит свиней. Казалось бы, дело раскрыто. Деда с бабкой отдали под суд, но здесь стали происходить странные вещи. Вдову стали посещать призраки.

© Соболев А. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Эта история произошла в одном городе, некогда наполненном каштанами. Они росли в нем повсюду. На аллеях, возле небольших домиков частного сектора, были даже каштановые скверы. И вот деревца стали пропадать. Не сразу, постепенно. Год за годом их становилось все меньше и меньше. Красивые, но чувствительные, они стали гнить заживо. А самая красивая городская улица-парк, которая так и называлась – каштановая, похожая на небольшой лес, стала со временем полупустой от насаждений. Старые каштаны почти все засохли, а новые почему-то не принимались.

Говорят, что все деревья впитывают углекислый газ, этот яд производимый людьми и превращают его в живительный кислород. Пока могут перебороть вредные газы, так щедро распыляемые людьми. А вот некоторые деревца поглощают еще и все зло, идущее от нас. Впитывают его своими нежными листьями, пока могут. Пока его еще не очень много. А затем, если они не в силах уже с ним бороться, начинают чахнуть.

Думаете, почему на каштанах время от времени вырастают ежики? Это переработанные и нейтрализованные наши отрицательные эмоции, ненависть, зависть и скорбь. И вот сейчас, каштанов практически не осталось на улицах этого города, про который я хочу рассказать. Теперь его украшают лишь колючие акации. Но на самом деле точнее будет сказать – не украшают, а уродуют. Ведь, что может быть красивого в ошетинившемся иглами дереве с кривым стволом, больше похожем на калеку? Ему не страшны всплески негативных чувств горожан. Они, наоборот, питаются злом, потому как и сами злы.

Но почему же так произошло? Почему стало увеличиваться городское зло, убивавшее и продолжающее убивать каштаны? С чего был взят отчет регресса? Ведь зло, это как разрушение карточного домика. Должен быть сначала первый толчок, пробудивший цепную реакцию разрушения и началом всеобщего запустения. И он был. Ровно сорок лет тому назад произошло то, о чем сейчас пойдет речь. А начиналось все как обычно. С радости и благих помышлений.

Семья Агафоновых была самой простой советской семьей. Жила она на улице Лермонтова, за крайсобесом. Ее глава работал электриком на заводе, хранительница очага трудилась на обувной фабрике, а двое детей, мальчик и девочка, днем посещали школу, а по вечерам пропадали во дворе. Мальчик Павел был шестиклассником и на два года был старше своей сестры Алины.

Жизнь их текла в обычном русле для самой простой семьи со всеми горестями и радостями. Но горестей было не так уж и много, и они являли собой, в основном, что-то несущественное, а радостей было полным-полно. Поездки на дачу, семейные праздники, совместные посещения Старого парка, так нравившегося Агафоновым. Кстати, из-за большого количества растущих в нем крупнолистных красавцев каштанов. В тени которых на лавочке порой усаживалась вся семья и обсуждала планы на лето или предстоящую поездку на природу. Лишь один нюанс не давал покоя отцу семейства Константину. Это отсутствие собственного автомобиля.

«Как было бы здорово иметь хотя бы старенький «москвич», – размышлял он вечерами. Супруга его Мария упрекала мужа в том, что он не умеет ценить простое счастье, выпавшее на их долю. Ведь и без машины им не плохо живется. В семье царит мир, дети неплохо учатся. А от добра – добра не ищут.

«Да ты представь, – говорил ей Константин, – как мы смогли бы ездить на дачу на собственном автомобиле. Сколько бы сэкономилось времени, которое мы сейчас тратим в ожидании дачного автобуса на остановке? Сколько мы могли бы увозить с участка за один раз фруктов в багажнике, а не тащить полные ведра «на пупке» до самого дома?»

Константин даже год назад выучился на права в автошколе. Но вот купить машину семья не могла себе позволить. Отбирать у детей возможность ездить на море, хорошо питаться и ходить в кинотеатры и начинать копить Агафоновы не могли. Приходилось Константину сожа-

леть и ждать. Неизвестно чего. В конце концов он заставил себя даже отказаться от своей мечты. Ну или усыпить ее хоть на время. И без машин живут люди и ничего.

Летели счастливые дни, сменялись недели. Подходила летняя пора. Пора школьных каникул. А значит, больше времени можно будет проводить на природе. На свежем воздухе и дети лучше растут. И вот как-то в конце мая, к семейному обеденному столу подбежал опоздавший на него Павел. Все сидели на своих местах и молча ели сваренный мамой восхитительный суп из куриных потрошков.

«Ты где был», – спросил папа запыхавшегося сына?

«С друзьями по городу гуляли после уроков», – ответил Паша и принялся жадно уплетать налитый мамой суп. Молчание продолжалось не долго, и уже сын спросил отца сам:

«Папа, а что такое ГАЗ – 2410?».

Константин отодвинул от себя пустую тарелку и ответил:

«Да ничего особенного, Паша, а почему ты спрашиваешь?».

«А я сейчас на мелочь, оставшуюся от мороженого и сладкой водички, лотерейку купил на Маркса. Стер значит поле, а там это и написано было. Но тетя тоже сказала, что это ничего особенного».

Паша начал стремительно работать ложкой, а у его отца все поплыло перед глазами. И сын, и кухня со столом и тарелками. Закружилась голова, а в уши ударил какой-то шум, похожий на набат. Пытаясь прийти в себя и глубоко задышав, Константин лишь заметил удивленные глаза жены, пронизывающие Пашку.

А дальше в квартире Агафоновых поднялся шум и крик, которого никогда здесь раньше не было. Даже находящиеся по домам соседи очень были удивлены. А по всему дому разносились гневные слова Константина и успокаивающие крики его жены, затем последовал детский плач. А потом все смолкло. И соседские бабушки, еще более удивленно смотрели в след чуть ли не бегущим от их подъезда Агафоновым. Всем было хорошо видно, что в этой вроде бы благонадежной семье произошел какой-то форс-мажор.

«Не война ли началась с буржуями, – спрашивали друг у друга дворовые старушки, – вы радио не слушали сегодня?».

Вид Агафоновых и правда не мог не пугать. Впереди чуть ли не бежал Константин, таща куда-то заплаканного Павла, а позади за ними торопилась Мария, успокаивая мужа и сама чуть ли не рыдая.

«Да куда это они», – наконец еще раз спросила соседок бабушка Лидия?

«Да это Костик узнал, что Пашка на самом деле не его сын и потащил его топить на пруд», – сострила бабушка Катерина. Она всегда отличалась своеобразным чувством юмора. Поговаривали, что она даже служила в НКВД, в свое время. Ее соседки, остальные лавочные старушки удивленно на нее уставились, и еще с минуту не понимали, шутит она или нет.

Городское отделение милиции располагалось от дома Агафоновых в двух кварталах. На входе, в фойе, за железной решеткой скучал молодой сержант. В здании было тихо. Все двери кабинетов закрыты. На рабочем месте практически никого, кроме этого парня и еще нескольких сотрудников не было. Коротая смену, сержант представлял, как сегодня вечером пригласит на танцы свою соседку Таньку, которая ему давно нравится. И что-то ему подсказывала, что она не откажет. Может быть потому, что как-то по особенному смотрит на него. Ну правильно, он же милиционер, комсомолец. А не какой-то там тунеядец. От размышлений его оторвал шум отворившихся в отделение дверей, за которым неся по пятам крик.

«Ну вот, – подумал сержант, – сейчас начнется кипишь и нервотрепка. Как бы еще не пришлось на службе задержаться сегодня».

Спустя полчаса по улице неся тот же состав Агафоновых, но теперь еще более комического вида. Все они были в этот момент похожи на злых хмурых собак, высматривающих добычу. Паша больше не плакал, папа больше не кричал, мама больше никого не успокаивала.

А к тому же их сопровождал что-то дожевывающий на ходу старший лейтенант неряшливого вида по фамилии Сидоров. Причем, не просто сопровождал, а как бы догоняя их, плелся чуть позади. Компания двигалась в сторону улицы Маркса, к лотерейному ларьку. Добравшись до места, их всех ждало досадное разочарование. Ларек был закрыт. Вот здесь-то опять и начался шум и плач. Папа кричал на сына, мама за него заступалась и закрывала Пашу собой, а капитан пытался всех успокоить и сам плел что-то несурзное:

«Граждане, без паники, всех найдем, я сейчас Бегуну доложу, да перестаньте же вы ссориться, ларек опечатаем, машину вызовем, сейчас позвоню, нет двух копеек на автомат?».

А дальше, на весь оставшийся день, продолжился не меньший кипишь, именуемый оперативной работой, так же полный истерии. Милицейские две машины летали по городу, велись телефонные переговоры. Некоторые оперативники были вызваны на рабочие места. В ходе их работы было установлено, что заведующий сетью лотерейных ларьков в отпуске. Кто остался вместо него неизвестно. По крайней мере об этом почему-то не знает его секретарь, студентка-заочница, которая сразу при приезде милиции, почему-то расплакалась и стала не-попад клясться, что у нее с Анатолием Борисовичем ничего нет. Придя в себя, она все-таки смогла отыскать тетрадку, в которой были записаны фамилии работников-реализаторов билетов. Без адресов. В кабинете отдела кадров вообще почему-то весь день никого не было, как пояснила сама же секретарь.

Утром, возле лотерейного ларька, на улице Маркса, собралась компания, состоящая из Константина Агафонова, судя по красным глазам – не спавшего всю ночь, уже без сына. И трех хмурых милиционеров, которых отвлекли от, как им казалось, более важных занятий. Все ждали начала работы этого ларька и его работника. Точнее, работницу. Ровно в девять утра она показалась. И, увидев нашу честную компанию, наигранно удивилась.

А дальше ларек так и не был открыт для горожан, порой подходивших к нему за счастливым билетиком. В нем шел обыск с участием пойманных на улице двух понятых. А когда он не увенчался успехом, то продолжился дома у распространителя. Через два часа, ничего не найдя, милиционеры уже собирались отпустить понятых, а женщина-продавец, показывая на разгромленную квартиру, чуть не плача, театрально полукричала о том, как она будет жаловаться секретарю райкома.

«Пришли, разбили всю хату, сломали имущество и все по наговору, да что же это делается?», – жалобно страстно говорила она.

Понятые подписывали протокол обыска, опер Бегун, взявшийся за это дело, с недовольным лицом спешил закончить все формальности и удалиться. И лишь Константин Агафонов молча сидел на стуле, о чем-то размышляя. Можно даже было подумать, что он задремал, если бы не вид его дрожащих ладоней, которые лежали перед ним на журнальном столике. Один из милиционеров сложил бумаги в портфель и принялся извиняться перед хозяйкой дома за причиненный ущерб. Та даже расплакалась, вытирая лицо грязным платком.

И вот тут, неожиданно для всех, Агафонов вскочил с места и побежал в комнату, в которой и так уже все было осмотрено. Да так резко, горя глазами, что присутствующим показалось, что он сошел с ума. В комнате послышался шум и все ринулись в ту сторону. Сорвав со стены ковер, Константин стоял и разглядывал стену. Хозяйка, было, побежала к нему, но ее остановили служители закона. А Агафонов отдирал обойный кусок. У женщины-киоскера началась паника, что придавало ему еще большей энергии. Несколько движений руками о он радостно закричал, а та на взрыв зарыдала. Причем, чувствовалось, что теперь очень даже искренне. На голой стене висел приклеенный к ней лотерейный билет. Двое милиционеров с трудом держали плачущую женщину, у которой началась самая настоящая истерика. А она, смотря в сторону Константина, сыпала проклятиями:

«Да что б ты помер, собачий сын, да что б тело твое было изуродовано и скормлено бесам, да что б ты не нашел себе покоя и в гробу и вечно скитался по вселенной. И сыночек твой да будет проклят и весь род твой».

А потом и вовсе странным образом она не громко заговорила на непонятном языке. И не останавливалась даже тогда, когда ее уводили из квартиры в милицейскую машину. Но Агафонову было абсолютно наплевать на это. Он улыбался. Казалось, что жизнь теперь станет еще ярче и проще.

Вечером того же дня, у Агафоновых был пир горой. Возле накрытого стола собрались соседи. Константин то и дело ловил пробегающего рядом сына и начинал подкидывать его к самому потолку.

«Мой ты везунчик, теперь на море не на поезде поедем этим летом. Ты рад, нет, ты рад, скажи мне?», – кричал он, широко улыбаясь. На нем был новый костюм, только несколько раз одеванный, серого цвета. Импортный. Практически в пору. Лишь немного велик. Зато импортный. Мария купила мужу его на день рождения месяц назад. У барыги, как тогда называли перекупщиков. Костюм был болгарским, купленным у иностранного строителя. Как раз шел период советско-болгарской дружбы и многие строители из этой страны возводили в этом городке здания в болгарском стиле. Собравшиеся поднимали тосты за удачу, за новый автомобиль, за Константина... А тот размахивал лотерейным билетом, который на днях собирался обменять на волгу.

Уже к ночи гости стали расходиться. Но счастливый Агафонов не унимался. Он, сидя за столом, то и дело целовал билет, пока жена, наконец, не попросила убрать его, чтобы не потерять. Константин сунул его в нагрудный карман пиджака, затем снял костюм, бросил его на стул и лег спать.

«Это ж надо, – сказал он перед сном, – такая удача в високосный год, зря люди суеверные только невезение в него ждут»,

На следующий день Агафоновы разбрелись кто куда. Константин, не позавтракав, время не терпело, перед этим напившись холодной воды из-под крана и, сказав жене, что сегодня, во что бы то ни стало, отпросится у мастера участка отнести билет куда нужно, убежал на свой завод. Потом Мария уехала на свою фабрику Восход, а дети утопали в школу.

Во втором часу дня в приемной фабрики раздался телефонный звонок. Секретарь взяла трубку и услышала встревоженный мужской голос. Звонивший сказал, что он с завода Металлист и попросил передать Марии Агафоновой, что ее мужа только что госпитализировали в третью больницу. Секретарь стала задавать уточняющие вопросы: кто конкретно звонит, что именно с Агафоновым, но на том конце быстро повесили трубку. От директора вышел мастер по ремонту швейных станков Кузьмин. Секретарь спросила его, не в цех ли он сейчас направляется?

«Ну да», – зевнув, ответил тот.

«Ну, передайте там Агафоновой, что ее муж в третьей больнице. Только что звонили», – попросила она.

«Ну ладно», – сказал безразлично мастер и ушел.

На следующий день заплаканная Мария собирала вещи мужа. Для того чтобы отвезти их в городской морг. Среди прочего, положила в сумку его новый костюм. Ей помогала соседка Аксинья, нервная женщина, которая тоже не переставала реветь и все время причитала:

«Да как же так, какой еще тромб? Что ж это за врачи у нас? Лечить не умеют. Что значит, неожиданно оторвался? Ой, горе-то какое...».

Похороны прошли быстро. Мария на них чувствовала себя как в тумане. У нее все валилось из рук. Хорошо, что соседи помогали с организацией. Да коллеги Константина с завода быстро съездили на кладбище и обо всем договорились. В общем, после короткой гражданской панихиды, тело было предано земле. На кладбище, расположенном на окраине города в мик-

порайоне Ташла. Затем все родные, близкие, соседи и еще невесть кто, посидели в столовой Металлиста, любезно предоставленной руководством завода, да разошлись...

На следующий день в квартире Агафоновых стояла леденящая душу тишина. Не смотря на то, что мать и дети были дома. Мария уже час молча просидела одна за пустым кухонным столом, когда к ней подошел Павел и, пересилив неловкость, спросил:

«Мам, а наш выигрышный билет что, остался в кармане пиджака, в котором похоронили папу?».

Первой реакцией Марии на вопрос, была злость на сына. Как, мол, он смеет думать о всяких глупостях, потеряв отца. Сейчас все мысли должны же быть с тем, кто так любил его, и кого он любил сам, с близким человеком, который и сейчас, конечно же, с ними. Хотя бы своей кровью, текущей в Павле. Она стала упрекать сына в жестокосердии, а Павел, молча слушал ее, сам уж злясь на себя за этот нелепый вопрос. Пролетел день. Еще один. Пролетала весна, но не улетучивалась скорбь из квартиры Агафоновых.

Где-то через неделю после смерти мужа Мария бродила по Верхнему рынку города. Она пребывала в отпуске по семейным обстоятельствам и в непролазной депрессии. Ходила по рынку больше для того, чтобы просто проветриться, побыть среди людей. Она уже успела закупить целый сноп зеленого лука, непонятно для чего, как оказалась на вещевом ряду. Здесь в то время, без всяких палаток, разложив товар на ящиках и маленьких переносных столах, продавали ношенные вещи. Торговлю здесь вели опять-таки барыги. По крайней мере, так их в городе и называли. В-основном на этом ряду бойко расхваливали свой товар пожилые женщины-пенсионерки. Милиция их беспокоила редко, хотя догадывалась, что большая часть вещей может быть украденной.

И вот сюда забрела Мария Агафопова, просто так, потолкаться. Не зря рынок тогда в народе и называли толкучкой. Брела она, значит, брела бесцельно, порой бросая взгляды на ситцевые халатики или стоптанные ботинки, пока, повинувась какому-то инстинктивному чувству, не подошла к одной из торговек. А точнее, к ее товарчику. Да стала рассматривать какую-то блузку. А бабушка-продавец и стала говорить ей:

«Бери, дочка, не пожалеешь. Хорошая блуза, всего пару раз надеванная».

Мария зачем-то стала трогать и другие продаваемые бабкой вещи. Белые рубашки, галстуки... Но вдруг одна вещь привлекла ее внимание. Женщина стала трогать мужской пиджак, почему-то казавшийся ей таким знакомым. Серого цвета, почти как новый... А торговка не унималась:

«Отличный пинджак, дочка. Импортный. С карманами. Раз всего сын надевал его, да размер не подошел. Вот и продаю. Почти за даром. Купи, мужу что ль...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.